

ческихъ выводовъ; но обстоятельство, которое всего болѣе прозвело ей гибелью, обратилось въ ея пользу. Тотъ, кто былъ главнымъ виновникомъ реформаціи, носилъ въ душѣ своей и настоящую ея мѣру. Подъ оболочкою, часто мистическою, его рѣчей скрывался глубокой практической смыслъ. Въ обступавшихъ его крайнихъ направленіяхъ онъ отыскалъ разумные предѣлы, которыхъ до того времени не доставало его ученію. Онъ тогчасъ замѣтилъ тонкую черту, гдѣ началось раздѣленіе, и поспѣшилъ обозначить ее по своему обычаю такими рѣзкими признаками, что никто не могъ смѣшать двухъ смежныхъ, но противоположныхъ между собой лагерей“.

Здѣсь вѣрно подмѣчено вліяніе въ исторіи реформаціи тѣхъ религиозныхъ увлеченій, которыя заставили Лютера выйти изъ его выжидательнаго положенія, и изъ области протеста перейти на догматическую, *конфессіональную* почву. Но блужданіе умовъ, вызванное протестомъ Лютера, имѣло еще другую, опасную для общества, сторону. Изъ сферы религиозной споръ былъ перенесенъ въ соціальную. „Мечтатели, одинъ необузданный другого, безпрестанно выходили изъ толпы и, подъ предлогомъ необходимости перестроить общественный порядокъ, готовы были совершенно ниспровергнуть его“. И тутъ Лютеръ, несмотря на то, что его крестьянское происхожденіе предрасполагало его признать справедливость въ некоторыхъ требованіяхъ возставшихъ крестьянъ, быстро понималъ, куда клонять дѣло вожаки. „Не только онъ не хотѣлъ поддерживать неумѣренныхъ нововводителей, но при всякомъ случаѣ старался энергически имъ противодѣйствовать. Чѣмъ болѣе они раздували фанатизмъ въ народѣ, тѣмъ настоятельнѣе былъ реформаторъ въ своихъ мирныхъ внушеніяхъ. Когда они проповѣдывали буйство и насиліе, онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей покорности и терпѣнія. Наконецъ, когда въ общемъ возстаніи они задумали ниспровергнуть существующія отношенія между властью и подданными, Лютеръ открыто принялъ сторону князей“... „Вѣрный инстинктъ, христіанское чувство, практической смыслъ,—такъ справедливо резюмируетъ Кудрявцевъ свое сужденіе о политической роли Лютера,—все указывало реформатору на тѣсный союзъ съ князьями въ борьбѣ ихъ съ возставшими сословіями (рыцарями, потомъ городами и крестьянами), и онъ ни минуты не колебался въ выборѣ“.

Кудрявцевъ не ограничивается объясненіемъ образа дѣйствія Лютера, онъ прямо его защищаетъ. „Нѣтъ ничего несправедливѣе, —говоритъ онъ,—тѣхъ упрековъ, которые дѣлаетъ иногда нѣмец-